Годъ девятый. Суббота, 8 мая 1893 года. Годъ девятый.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ № 51

СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА.

Телефонъ редактора № 20. Телефонъ конторы № 20.

ГОДЪ IX. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА ГОДЪ IX.

на

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

на 1893 годъ.

Въ 1893 году „Сибирскій Вѣстникъ" выходитъ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ. Въ остальные дни будутъ выходить, въ предѣлахъ редакціонной возможности, преимущественно по вторникамъ и субботамъ, ПРИБАВЛЕНІЯ, на исключеніе дней послѣдразличныхъ и времени осеннаго и весеннаго перерыва почтъ, когда будутъ выпускаться только телеграммы „Сѣвернаго Агентства" для городскихъ подписчиковъ.

Въ прибавленіяхъ періодически помѣщаются свѣдѣнія о золотопромышленности, заключающіяся въ себѣ всѣ распоряженія правительства, касающіяся золотаго промысла; свѣдѣнія о пріискахъ, отведенныхъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и подлежащихъ занятѣ и всѣ объявленія горнаго начальства Восточной и Западной Сибири. Кромѣ того тутъ-же помѣщаются торговыя свѣдѣнія и курсъ на ассигнаціи на золото.

Подписная цѣна:

Годъ—9 р., 1/2 г.—5 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. 25 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Томскѣ въ конторѣ редакціи „Сибирскаго Вѣстника"—Спасская ул. д. Карташевской, въ конторѣ Томской Губернской Типографіи и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ Красноярскѣ—въ библіотекѣ Комарова, въ Иркутскѣ—въ книжномъ магазинѣ Кассель и К°, въ Омскѣ—въ книжномъ магазинѣ Александрова и въ Тобольскѣ у Николая Алексѣевича Польшакова.

Иногородные подписчики адресуются исключительно въ Томскъ, въ контору редакціи „Сибирскаго Вѣстника".

Редакторъ-Издатель В. П. КАРТАМЫШЕВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣсяцесловъ.
Телеграммы.
О холерѣ, въ особенности объ ея лѣченіи.
Фельетонъ: Невольный бродяга

МѢСЯЦЕСЛОВЪ.

Суббота, 8 мая.

Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Арсенія Великаго.

ТЕЛЕГРАММЫ.

«Сѣвернаго Телегр. Агентства»

Парижъ, 5 (17) мая. Аресты произведены на основаніи полученныхъ позицій свѣдѣній объ обнаруженномъ въ Америкѣ замыслѣ взорвать зданіе выставки въ Чикаго.

Вѣна, 5 (17) мая. Въ чешскомъ сеймѣ, когда должно было начаться обсужденіе вопроса о разграниченіи нѣмецкаго окружнаго суда въ Tirnitdnau младочехи устроили чрезвычайно шумную сцену: стали колотить деревяшками по столамъ, не давая ораторамъ говорить и пр. Когда оберъ-ландмаршалъ подозвалъ стенографа къ докладчику, чтобы тотъ продиктовалъ ему среди общаго шума свое предложеніе, чехи подбѣжали къ бюро, разорвали начатую стенографическую запись, которую ея стали шпарить въ оберъ-ландмаршала, причемъ перебили черильницы и избирательную урну, осыпали угрозами докладчика. Ландмаршалъ вынужденъ былъ тотчасъ же закрыть засѣданіе. Младочехи собрались на совѣщаніе, чтобы обсудить, какъ поступить далѣе и какъ предотвратить насиліваніе чешскаго народа нѣмецкими депутатами и партіей крупныхъ землевладѣльцевъ. Ожидаютъ дальнѣйшихъ чудныхъ сценъ.

— 6 (18) мая. Вслѣдствіе бывшихъ въ пражскомъ сеймѣ бурныхъ сценъ, состоялось вчера засѣданіе совѣта министровъ; причемъ, какъ передаютъ газеты, рѣшено немедленно закрыть чешскій сеймъ. Младочеховскіе депутаты уже получили сегодня изъ Чехіи и другихъ славянскихъ земель Австро-Венгріи массу телеграммъ съ выраженіемъ одобренія ихъ поступкамъ. Наиѣстникъ Чехіи, графъ Бунъ, вызванъ правительствомъ въ Вѣну для совѣщанія о дальнѣйшихъ мѣрахъ.

Лондонъ, 6 (18) мая. Палата общинъ послѣ трехчасовыхъ преній приняла второй параграфъ билля объ ирландской автономіи. Дальнѣйшія пренія отложены до 30 (18) мая.

— Англійскій банкъ повысилъ дисконтъ съ 3½ до 4%.

О холерѣ, въ особенности объ ея лѣченіи.

Профессора Г. А. Захарина.

Лекція, читанная 19 марта 1893 года въ московскомъ университетѣ студентамъ-медикамъ послѣднихъ семестровъ.

(Окончаніе, см. № 51 „Сиб. Вѣстн.")

Предохранительныя мѣры.

Согласно съ цѣлью моей лекціи, я не могу достаточно остановиться на названномъ, столь важномъ предметѣ и сдѣлаю лишь нѣсколько замѣчаній.

Карантинъ, въ томъ видѣ, какъ примѣнялись доселѣ, оказались недѣйствительнымъ; но не думаю, чтобы вопросъ о нихъ былъ уже рѣшенъ и они окончательно признаны недѣйствительными и даже невозможными. Правда, трудно представить себѣ устройство точнаго, строжайшаго карантина по всей границѣ, между европейскими государствами, столь населенными, находящимися въ столь живомъ общеніи другъ съ другомъ какое существо было-бы выдано такимъ карантиномъ, и чего-бы онъ стоилъ. Другое дѣло карантины на путяхъ изъ родины холеры, Азіи. Наша теперешняя средне-азіятская граница, черезъ которую проникла къ намъ послѣдняя холерная эпидемія, проходитъ большею частью въ степяхъ и не представляетъ возможности для устройства строгаго карантина; но указываютъ, что недалеко отъ этой границы находятся горныя ущелья, допускающія переходъ лишь въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ легко могъ-бы быть устроенъ строжайшій карантинъ, стѣснившій-бы лишь незначительное караванное движеніе. Конечно, кромѣ того, что невозможно на всѣхъ путяхъ, которыхъ холера приходитъ изъ Азіи, устроить пограничные карантины, не слѣдуетъ, что послѣдніе безполезно устраивать на тѣхъ, на которыхъ это возможно. Болѣе строгое примѣненіе карантина на важнѣйшемъ пути изъ Индіи, въ Суэзскомъ каналѣ, дало бы можетъ быть лучшіе результаты, если-бы агонистическое противодѣйствіе Англіи не дѣлало его невозможнымъ. Краткость инкубаціоннаго періода холеры не требуетъ продолжительнаго карантина. Въ тонарахъ вродѣ-ли можетъ перевозиться холера, разнѣ въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, въ старомъ платѣ и т. п., которымъ обыкновенно воспрещается доступъ въ охраняющія себя государства. Особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на грязное бѣлье пассажировъ, подвергая его тщательной дезинфекціи или даже сжиганію. Правда, при всякомъ карантинѣ, если только онъ не крайне продолжителенъ,—что на мѣстахъ столь значительнаго движенія, какъ, напримѣръ, Суэзскій каналъ, вызвало-бы величайшія затрудненія,—могутъ оставаться незамѣченными и проходить больные легкимъ холернымъ заболѣваніемъ, холерными поносомъ, могущіе, однако, провести съ собой свѣжа холеры и быть, при благопріятныхъ условіяхъ, причиной эпидеміи. Далѣе, по наблюденіямъ въ Гамбургѣ оказывается, что у выздоровѣвшихъ отъ холеры долгое время, даже тогда, когда кишечныя испражненія приняли уже вполнѣ нормальный видъ, въ нихъ еще находятся запятовидныя бациллы. Но изъ того, что карантины не преграждаютъ абсолютно пути холерѣ, конечно, не слѣдуетъ пренебрегать тѣмъ, что они могутъ значительно, можетъ быть въ большей части, сократить возможность ея явленія.

Повальный опросъ всѣхъ пассажировъ, практикующійся иногда въ послѣднюю эпидемію на желѣзныхъ дорогахъ, конечно, не нуженъ; но наблюденіе за проѣзжающими, по крайней мѣрѣ на путяхъ съ значительнымъ движеніемъ, на желѣзныхъ дорогахъ и рѣчныхъ путяхъ, отдаленіе очевидно заболѣвшихъ отъ здоровыхъ, принятіе дезинфекціи и поданіе помощи, конечно, необходимы.

О дезинфекціи, ея средствахъ и способахъ въ примѣненіи къ больному, его бѣлью, платью и помѣщенію, къ пораженнымъ жилостнымъ и помѣщеніямъ, вагонамъ, пароходамъ и пр. говорить не буду, такъ какъ объ этомъ компетентными лицами читаются нами особыя лекціи.

Не буду говорить также о мѣрахъ къ оздоровленію пораженныхъ мѣстъ: послѣднее, конечно, желательно, но не сейчасъ, какое предпринимается при приближеніи или даже во время эпидеміи, и потому малополезное, а прочее, требующее долгаго времени для выполненія по заранѣе обдуманному плану.

Не могу не сказать, что при видѣ упомянутыхъ сильныхъ мѣръ къ оздоровленію, польза которыхъ сомнительна, и стоимость весьма значительна, при видѣ часто неработоспособной и напрасной траты дезинфекціонныхъ средствъ, тоже дорогихъ, приходитъ мысль, что лучше было-бы обращать затрачиваемыя, такимъ образомъ, денежныя средства, на доставленіе малоимущему населенію здоровой пищи и питья, польза которыхъ во время холерной эпидеміи громадна.

Безусловно необходима тщательнѣйшая дезинфекція около больнаго не только въ случаяхъ явно выраженнаго холернаго заболѣванія, но и при всякомъ сомнительномъ поносѣ, дезинфекціи испражненій больнаго, его бѣлья (если послѣднее мало загрязнено, въ противномъ случаѣ лучше сжигать) и окружающихъ предметовъ.

Важная предохранительная мѣра состоитъ въ тщательномъ наблюденіи за лицами, прибывающими въ данную мѣстность, въ вліяніи такъ изъ нихъ, у которыхъ окажется

ФЕЛЬЕТОНЪ „СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА".

Невольный бродяга.

(Быль изъ сибирской жизни.)

Посвящается К. Е. П—ну.

«Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой».

(Окончаніе, см. приб. къ № 45).

VI.

Чвинъ дальше уходилъ обозъ отъ мрачнаго военнаго города, давшаго нашему герою неожиданный пріютъ въ теченіи многихъ лѣтъ и чѣмъ ближе подвигался теперь Иванъ, сидя закутавшись на возу, къ родимымъ мѣстамъ, тѣмъ сильнѣе и отчетливѣе представлялись въ умѣ его различныя картины давно минувшей домашней жизни, тѣмъ оживленнѣе и чувствительнѣе волновалось и колотилось въ груди еще молодое сердце. И въ головѣ Ивана одѣ мысли и воспоминанія подавлялись и сливались другъ въ другъ. Сознаніе потраченныхъ безвозвратно молодыхъ силъ и лѣтъ легко безнадежно въ душѣ его чувство жалости къ себѣ и къ своей разрушенной жизни... Какое-то безотчетное сѣтованіе на мачиху-судьбу, такъ коварно исковѣрнившую его долю.

«И зачѣмъ, и для чего и побѣжалъ?—думалось Ивану:—что въ этомъ вышло?.. Имя потерялъ, молодость потерялъ... Жить-же всѣ и тоже мучаются, да вѣдь не бѣгаютъ-же... А тутъ... Эхъ, проклятая натура! Тутъ зверемъ надо быть, а не человѣкомъ, вотъ тогда и пошло-бы все на лѣдъ... Ѣсть такъ же надо было и въ ихъ, какъ они меня зли... Собакой надо быть, чтобы огрызаться, и такъ же, какъ и они, набрасываться на праваго и виноватаго. Тогда-бы, небось, не насмѣхались-бы, а еще, пожалуй, почтеніе оказывали!... А то, вишь, человѣкомъ хотѣлъ быть и по человѣчески обращаться съ женой, съ родными и со всѣми... Нѣтъ,—собакой, волкомъ кровожаднымъ надо быть, а не человѣкомъ». Сами до этого доводятъ, да и довели!..

Такія несеселыя думы всѣхъ Иванъ съ собою на пути къ родинѣ. Сцены прежней жизни одна гнаго другой невольно вспоминались ему и передъ заживающія раны больной души. И только порой яркая-то тонящая хандра, безразличность, переходящая въ совершенное равнодушіе къ окружающему, умерщвляли чувства и мысли нашего простонародного Одиссея и усыпляли его на время, какъ малютку въ колыбели. Въ такую пору онъ отдыхалъ душой и ему, какъ по сиѣ, снилась мирная, совсѣмъ иная жизнь съ красавицей—бабой,—вотъ такой, какъ Варя, въ своемъ новомъ домѣ, съ свѣтлыми, уютными горницами, чистенько прибранными и убранными домовитою обиходницей-хозяйкой...

А тутъ, около, вьются, играя, красносщекія здоровыя дѣти, называютъ его «татей»; просятъ принять, купить, «на коньки покататься»... И вотъ онѣ веселы, смѣются отъ радости за какой нибудь купленный подарокъ, скачутъ, прыгаютъ, хлопаютъ въ руки, обнимаютъ, сильно, крѣпко цѣлуютъ и прижимаютъ къ себѣ...—И, вдругъ, тяжелый, болѣзненный вздохъ вырывается изъ истомленной души и, какъ-бы вслѣдъ за нимъ, усуживаемыя слезы катятся изъ глазъ, омывая искаженное отъ страданія лицо.

«Какъ хорошо-бы можно было жить... И жили-ть-же люди счастливо, спокойно... А тутъ... ровно какой откидышъ... о, Господи! какая горькая доля!...—шепчетъ Иванъ сквозь слезы. И къ несчастному снова является сознаніе дѣйствительности, а нею вспоминается и былое старое, все снова и снова и такъ отчетливо, ясно, какъ будто случилось только вчера, на дняхъ...

«Нѣтъ!.. не будетъ-же по вашему, людоѣды... нѣтъ!... пропадать, такъ пропадать, ужь чтобъ было за что!... Имъ зверя надо, зверя... крови надо... душегубы, кровопійцы!...»—мрачно шепчетъ Иванъ про себя и его грустное лицо превращается въ страшный, неистовый образъ. Онъ сдѣлалъ рукой какой-то загадочный жестъ и въ глазахъ блеснуло что-то нехорошее, недоброе, противорѣчащее его кроткой, послушной натурѣ. Онъ, точно стекленѣлъ, возбуждаемъ въ душѣ его чувство жалости къ себѣ и къ своей разрушенной жизни... Какое-то безотчетное сѣтованіе на мачиху-судьбу, такъ коварно исковѣрнившую его долю.

«И зачѣмъ, и для чего и побѣжалъ?—думалось Ивану:—что изъ этого вышло?.. Имя потерялъ, молодость потерялъ... Жить-же всѣ и тоже мучаются, да вѣдь не бѣгаютъ-же... А тутъ... Эхъ, проклятая натура! Тутъ звѣремъ надо быть, а не человѣкомъ, вотъ тогда и пошло-бы все на лѣдъ... Ѣсть такъ же надо было и въ ихъ, какъ они меня зли... Собакой надо быть, чтобы огрызаться, и такъ же, какъ и они, набрасываться на праваго и виноватаго. Тогда-бы, небось, не насмѣхались-бы, а еще, пожалуй, почтеніе оказывали!... А то, вишь, человѣкомъ хотѣлъ быть и по человѣчески обращаться съ женой, съ родными и со всѣми... Нѣтъ,—собакой, волкомъ кровожаднымъ надо быть, а не человѣкомъ». Сами до этого доводятъ, да и довели!..

Такія несеселыя думы всѣхъ Иванъ съ собою на пути къ родинѣ. Сцены прежней жизни одна гнаго другой невольно вспоминались ему и передъ заживающія раны больной души. И только порой яркая-то тонящая хандра, безразличность, переходящая въ совершенное равнодушіе къ окружающему, умерщвляли чувства и мысли нашего простонародного Одиссея и усыпляли его на время, какъ малютку въ колыбели. Въ такую пору онъ отдыхалъ душой и ему, какъ по сиѣ, снилась мирная, совсѣмъ иная жизнь съ красавицей—бабой,—вотъ такой, какъ Варя, въ своемъ новомъ домѣ, съ свѣтлыми, уютными горницами, чистенько прибранными и убранными домовитою обиходницей-хозяйкой...

А тутъ, около, вьются, играя, красносщекія здоровыя дѣти, называютъ его «татей»; просятъ принять, купить, «на коньки покататься»... И вотъ онѣ веселы, смѣются отъ радости за какой нибудь купленный подарокъ, скачутъ, прыгаютъ, хлопаютъ въ руки, обнимаютъ, сильно, крѣпко цѣлуютъ

Данно-ли на службѣ, служивенькій? спросила Варя.

— Данно, тетенька... скоро ужь на билетъ выйду.

— А гдѣ-же ты служилъ-то?

— Да въ—сковъ баталіонѣ.

— Что-же, какъ дослужишь срокъ-то, на родину, поля, вернешься?

— Да... я впрочемъ, какъ Богъ...

Иванъ чувствовалъ, какъ все больше и больше смущался отъ распросовъ Вари, а сердце такъ точно вырывалъ хотѣло. Между тѣмъ Варя пристально всматривалась въ своего собесѣдника и подъ густою бородой, и подъ большими усами точно искала знакомое лицо своего земляка. Она всего его осматривала и оглядывала и, наконецъ, замѣтивъ повыше праваго уха небольшой шрамъ, вдругъ вся измѣнилась въ лицѣ и остановила неподвижно на лицѣ Ивана взглядъ своихъ черныхъ блестящихъ глазъ.

— А какъ-же тебя, служивенькій, зовутъ-то?

— Меня зовутъ... Николаемъ, тетенька! не глядя на Варю, сказалъ Иванъ.

— А мнѣ что-то ты кажешься знакомымъ, солдатикъ. Я какъ будто тебя когда то видѣла?... Господи, да неужели обознаюсь!?... какъ-то напряженно выкрикнула Варя.

Тутъ Иванъ больше не въ силахъ былъ не только лгать, говорить, но даже и поднять понимную голову. Горло его точно чѣмъ сжало, сердце замерло въ предчувствіи чего-то страстно-радостнаго. Но вотъ онъ прогнулъ всѣмъ тѣломъ, слезы брызнули изъ глазъ.

— Ваня! да это ты... ты, я узнала тебя, дорогой мой Ваня, Ваня! касатикъ мой, сизый голубь мой! Ваня! онѣ сбѣ отъ радости говорила Варя, повисунъ на шеѣ у Ивана.

— Не пущу тебя больше, слышишь, не пущу... Ваня, ты мой. Я любила тебя и люблю больше всѣхъ на свѣтѣ! Не покидай меня!.. Они меня ненавидятъ... Никита бьетъ меня, изговиетъ... И тутъ Варя горько зарыдала, крѣпко сжимая растерянящагося и въ тоже время утопающаго въ счастіи Ивана.

Долго, долго ворковала любящая сердца. Иванъ разсказывалъ про свои скитанія, а Варя, плача и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радуясь, жадно слушала.

И никто не нарушалъ этой сладкой бесѣды... Нашъ скитаясь былъ на сѣдьмой небѣ... И одна эта ночь изъ всѣхъ прожитыхъ имъ ночей вознаградила его за всѣ посланныя судьбою испытанія.

. . . . . .

На утро въ обозѣ хватились Ивана, но нигдѣ не могли отыскать. Объ исчезновеніи его офицеръ далъ знать по начальству и обозъ на третій день двинулся въ путь. А Иванъ въ это время ужь былъ далеко, въ тайгѣ на дровосѣкѣ, куда его посылъ Ѳедоръ Ивановичъ, чтобы скрыть всѣ концы бродяжничества своего любимаго сына.

Иванъ Ковригинъ.

инно-холерное или даже сомнительное заболѣваніе, въ немедленномъ примѣненіи тщательной дезинфекціи (и, конечно, въ поданіи помощи). Всякимъ случаемъ, гдѣ удается строго выполнить названныя мѣры, сокращается возможность развитія или усиленія эпидеміи. Благополучное состояніе Москвы въ прошлую эпидемію безспорно многимъ обязано названнымъ, тщательно и умѣло примѣнившимся мѣрамъ.

Въ іюдѣ прошлаго года, въ виду серіознаго примѣненія упомянутыхъ и другихъ мѣръ, а также по другимъ соображеніямъ и высказавъ («Московскія Вѣдомости» 16 іюля 1892 г.) надежду на дальнѣйшій умѣренный ходъ эпидеміи, по крайней мѣрѣ, въ котолѣ не пораженныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ мѣстностяхъ Россіи. Ходъ эпидеміи въ Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ, Петербургѣ и другихъ мѣстахъ названныхъ частей Россіи вполнѣ оправдалъ эти ожиданія; на юго-востокѣ-же эпидемія была жестока. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы въ Баку и другихъ мѣстахъ Закавказья, въ Астрахани, Царицынѣ, Саратовѣ и Самарѣ, вмѣсто отсутствія, въ первое (да и не въ первое) время, всякихъ предохранительныхъ мѣръ, вмѣсто уличныхъ безпорядковъ, столь способствовавшихъ распространенію холеры, дѣлалось тоже, что въ Москвѣ, ходъ эпидеміи былъ-бы иной, она не развивалась-бы такъ въ городахъ и потому не пришла-бы такъ въ села и деревни, гдѣ всякія мѣры, предохранительныя и лѣчебныя, такъ трудно примѣнимы, а населеніе, вообще, плохо питающееся, было еще истощено, вслѣдствіе предшествовавшаго неурожая.

Личныя мѣры предосторожности сводятся къ тому, что не слѣдуетъ ни въ чемъ измѣнять обычнаго образа жизни, подразумѣвается, такого, при которомъ здоровье въ полномъ порядкѣ; въ случаѣ какихъ либо разстройствъ здоровья, искать врачебнаго совѣта или, при возвратѣ привычныхъ разстройствъ, особенно инцепарательныхъ, задавать однажды данному плану лѣченія и гигіены, но ни въ какомъ случаѣ не лѣчиться самому—равнымъ, выказываемымъ въ «холерное» время, средствамъ, каплямъ и т. д.;—равно при полномъ здоровьѣ избѣгать употребленія такъ называемыхъ (мнимо) предохранительныхъ средствъ, напримѣръ, капель соляной кислоты, хинина и др., могущихъ лишь разстроить пищеварѣніе и тѣмъ предрасположить къ кишечнымъ заболѣваніямъ. Чистую ключевую воду кипятить для питья, конечно, не слѣдуетъ, а воду сомнительной чистоты, если уже необходимо употребить такую, конечно, должно предварительно отстаивать, процѣживать, кипятить и, прибавляя, пить лишь недавно кипяченую, но не кипяченую, долго стоявшую.

Лѣченіе.

Я сказалъ въ началѣ лекціи, что, въ посильную замѣну недостающаго (потому что нѣтъ холерныхъ больныхъ) клиническаго индивидуализированія, и разсмотрю главнѣйшіе, по крайней мѣрѣ, положенія, въ которыхъ можетъ встрѣтиться холерный больной и придется примѣнить лѣченіе; это тѣмъ необходимѣе, прибавлю, что по быстротѣ теченія холеры и по недостатку времени у врача (вслѣдствіе обыкновенно большаго количества больныхъ) спокойное и обстоятельное обсужденіе состоянія больнаго при холерѣ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ при другихъ болѣзняхъ, и потому слѣдуетъ по возможности заранѣе уяснить себѣ особенности лѣченія въ различныхъ положеніяхъ, въ которыхъ можетъ находиться холерный больной. Предварительно я долженъ, однако, разсмотрѣть нѣкоторыя общетерапевтическія положенія, высказанныя по поводу лѣченія холеры. Считаю это нужнымъ особенно для васъ, начинающихъ: вѣрность воззрѣній, ясность пониманія—первое условіе успѣшной дѣятельности.

Доводится слышать, правда, не отъ врачей,—что такъ какъ статистическія данныя показываютъ иногда, что смертность отъ холеры при всѣхъ способахъ лѣченія одинакова, т. е., что всякое лѣченіе холеры безсильно, то не стоитъ и тратиться на него, а лучше обращать имѣющіяся средства на хорошее кормленіе тѣхъ частей населенія, которыя, вслѣдствіе плохой пищи, особенно подвергаются холернымъ заболѣваніямъ. Отвѣтъ на это короткъ; лишь не врачъ, опираясь на такое сомнительное основаніе для сужденія о дѣйствительности лѣченія, какъ статистическія данныя, могъ высказаться противъ лѣченія холерныхъ больныхъ; всякій-же врачъ, видѣвшій довольно такихъ больныхъ, видѣвшій, какая разница въ ходѣ и исходѣ болѣзни между случаями, гдѣ лѣченіе началось рано, и тѣми, гдѣ поздно, не можетъ не быть убѣжденнымъ въ дѣйствительности и вопіющей необходимости лѣченія холерныхъ больныхъ.

Не безъ нѣкоторой торжественности заявляется, что слѣдуетъ лѣчить не холеру, а холернаго больнаго. Васъ, хорошо знакомыхъ съ тѣмъ основнымъ принципомъ клиники, то есть врачебной практики, что при всѣхъ безъ исключенія болѣзняхъ, мы лѣчимъ не болѣзни, а больныхъ, такое заявленіе можетъ удивить и поставить въ нѣкоторое недоумѣніе: какъ-же иначе? да и гдѣ-же встрѣтить и лѣчить болѣзнь, какъ не въ больномъ?

Какъ извѣстно, противъ холеры нѣтъ специфическаго средства, т. е. такого, которое дѣйствовало-бы не на какой нибудь отдѣльный симптомъ этой болѣзни, а, очевидно, ударяя въ самый центръ болѣзни, сразу на всѣ, уничтоженіи ихъ, прекращая болѣзнь, какъ хининъ при маляріи, сѣрнокислый натръ при острожъ сочленовномъ ревматизмѣ и, менѣе рѣшительно (потому что результаты лѣченія не столь прочны) ртуть и іодъ при lues. За неимѣніемъ такого средства остается, какъ и при другихъ болѣзняхъ, противъ которыхъ нѣтъ специфическихъ средствъ, симптоматическое лѣченіе, борющееся съ отдѣльными симптомами, изнуряющими больнаго, подвергающими опасности его жизнь, и такимъ образомъ дающее больному возможность перенести болѣзнь, остаться въ живыхъ.

Странно, однако, встрѣчать заявленія, выражающія сомнѣніе въ возможности специфическаго лѣченія холеры. Гдѣ основаніе для такого сомнѣнія въ виду фактически имѣющихся, вышеупомянованныхъ специфическихъ средствъ, противъ нѣкоторыхъ болѣзней? И особенно теперь, когда для тѣмъ отрѣзчись столь новые и столь много обѣщающіе пути къ возможности пользоваться для лѣченія тяжелѣйшихъ болѣзней сокаи и тканями самаго организма, а также продуктами жизнедѣятельности главныхъ враговъ организма—болѣзнетворныхъ микробовъ. Кто можетъ знать теперь, какими средствами, какими способами, какими сочетаніями различныхъ средствъ и способовъ можетъ пользоваться терапія будущаго.

Еще страннѣе такое заявленіе: «Въ другихъ (помимо холеры) инфекціонныхъ болѣзняхъ,—тифѣ, пневмоніи,—мы давно отказались отъ специфическихъ средствъ, убѣдившись въ томъ, что лишь (?) симптоматическое лѣченіе помогаетъ организму освободиться отъ инфекціи». Нѣтъ, никто не отказывался; найдись завтра противъ тифа и пневмоніи такое-же надежное средство, какъ хининъ противъ маляріи или салициловый натръ противъ острыхъ сочленовнаго ревматизма, и всѣ врачи, въ томъ числѣ и авторъ приведеннаго заявленія, тотчасъ станутъ употреблять его, съ сокращеніемъ до minimum'а, если не до нуля, обычнаго симптоматическаго лѣченія, какъ, напримѣръ, это произошло съ симптоматическимъ лѣченіемъ остраго сочленовнаго ревматизма, пролагавшимся тогда, когда специфическое дѣйствіе салициловаго натра въ этой болѣзни было еще неизвѣстно. Какъ странно слышать, что «лишь симптоматическое лѣченіе помогаетъ организму освободиться отъ инфекціи», въ виду дѣйствія упомянутыхъ специфическихъ средствъ при маляріи и остромъ сочленовномъ ревматизмѣ,—въ виду дѣйствія, столь превосходящаго свою вѣрность и быстротой симптоматическое лѣченіе тѣхъ болѣзней противъ которыхъ нѣтъ специфическаго средства.

Не менѣе странно отождествленіе специфическаго лѣченія съ шаблоннымъ.

Это—смѣшеніе понятій. Шаблонность есть не особенность лѣченія, а качество, конечно, печальное, лѣчащаго: лѣченіе и специфическое, и симптоматическое можетъ быть прилагаемо шаблонно и точно такъ быть примѣняемо нешаблонно, а съ обращеніемъ должнаго вниманія на особенности даннаго случая, даннаго больнаго, т. е. индивидуализируя.

Обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію лѣченія въ различныхъ положеніяхъ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться холерный больной.

1. Понось.

Очевидно, что нельзя всякій поносъ, встрѣчающійся во время холерной эпидеміи, лѣчить какъ холерный. Въ это время могутъ встрѣчаться и больные съ хроническимъ катарромъ кишекъ, вызывающимъ запоръ въ перемежку съ поносомъ или даже постоянный поносъ; если поносъ такихъ холерныхъ больныхъ и во время холерной эпидеміи остается въ прежнемъ видѣ, то нѣтъ причины мѣнять обычное лѣченіе такихъ поносовъ, давать послѣдному сколько-нибудь «противохолерный» оттѣнокъ и тѣмъ навонять страхъ на больныхъ. Прибавлю кстати, что не только въ такихъ случаяхъ, но и въ случаяхъ сомнительнаго и даже инно-холернаго заболѣванія, слѣдуетъ настойчиво поддерживать больнаго въ убѣжденіи, что его заболѣваніе—«простое», а не «настоящее холерное»,—по возможности предотвращая такимъ образомъ угнетающее вліяніе которое страхъ высли о холерномъ заболѣваніи производитъ на больныхъ и которое столь ухудшаетъ ихъ состояніе.

Могутъ встрѣчаться во время холерной эпидеміи даже острые поносы, но, очевидно, нехолерные, напримѣръ, острый катарръ толстой кишки (частый позывъ на низъ, тенезмы, боли, испражненія въ маломъ количествѣ, со слизью и кровью).

Но, конечно, такіе случаи во время холерной эпидеміи рѣдки, а встрѣчающіеся острые поносы обыкновенно—или, по всей вѣроятности, холерные (признаки ихъ описаны выше), или такіе, которые не имѣютъ инно *не* холернаго качества, а потому тоже возбуждаютъ подозрѣніе объ ихъ холерномъ происхожденіи («сомнительные»). Точная діагностика, какъ объяснено выше, невозможна; бактеріологическое изслѣдованіе, на которое можно бы было надѣяться для точной діагностики тѣхъ и другихъ поносовъ, въ практикѣ неприложимо.

Какъ же лѣчить въ такихъ случаяхъ?

Прежде всего, узнавъ изъ краткаго разспроса, какую пищу и питье и въ какомъ количествѣ употреблялъ больной въ послѣднее время, какъ обильны были кишечныя испражненія, а также, осмотрѣвъ и ощупавъ животъ, слѣдуетъ рѣшать, достаточно ли опорожнены кишки. Если нѣтъ, то слѣдуетъ опорожнить ихъ, давъ слабительное: эта мѣра, необходимая при всякомъ поносѣ въ случаѣ недостаточнаго опорожненія, тѣмъ болѣе переполненія кишекъ, тѣмъ необходимѣе при холерныхъ заболѣваніяхъ, гдѣ слабительное можетъ выходить, вмѣстѣ съ прочимъ кишечнымъ содержимымъ, столь размножающихся въ тонкихъ кишкахъ холерныхъ бактерій и вырабатывающіяся при ихъ посредствѣ токсинъ.

Какое слабительное пригодно въ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь? Касторное масло или каломель и касторное масло. Скажу сначала о каломелѣ. Какъ слабительное, каломель, по моимъ наблюденіямъ въ прежнія холерныя эпидеміи (главнымъ образомъ 1853 и 1854 годовъ), особенно полезенъ у большихъ крѣпкаго или, по крайней мѣрѣ, не слабаго сложенія, съ большимъ животомъ, подверженныхъ диспепсическимъ желудочнымъ явленіямъ (при которыхъ касторовое масло часто не переносится, извергается обратно рвотой), привычному запору, желтухъ, печеночной коликѣ, съ постоянною болѣзненностью (при давленіи) мѣста желчнаго пузыря. Въ такихъ случаяхъ даю пріемъ изъ 4 или 5 грановъ каломели, черезъ два часа еще столько же, а еще черезъ два часа (если тѣмъ временемъ не воспослѣдуетъ обильныхъ испражненій, достаточно опорожняющихъ кишки)—столовую ложку касторнаго масла, которое послѣ каломели обыкновенно легко переносится. У больныхъ же, не представляющихъ названныхъ особенностей, даю лишь касторовое масло.

Здѣсь же скажу о каломелѣ, какъ о «противохолерномъ» средствѣ вообще. Его рекомендовали какъ такое не только въ началѣ болѣзни, при переполненіи кишекъ, но и позднѣе, при продолжающемся, хотя бы и сильномъ поносѣ, такъ же какъ и въ альгидномъ періодѣ настоящей холеры, разсчитывая, что онъ, принятый внутрь, будетъ, переходя въ сулему, губительно дѣйствовать на холерныхъ бактерій, находящихся въ тонкихъ кишкахъ. Особенно рекомендуетъ каломель при холерѣ извѣстный мюнхенскій клиницистъ Цимсенъ. Я же могу лишь повторить здѣсь сказанное мною въ 1885 г. въ первомъ изданіи моей брошюры о каломелѣ: «при холерѣ я не видѣлъ ни малѣйшаго успѣха отъ каломеля въ дѣйствительной эпидеміи въ Москвѣ въ 1853 и 1854 гг., когда я, какъ ординаторъ временнаго холернаго отдѣленія въ университетской клиникѣ, наблюдалъ довольно больныхъ и каломель составлялъ обыкновенное лѣченіе холеры». Каломель былъ испытанъ и въ послѣдніи эпидеміи и оказался не только не приносящимъ рѣшительной, но даже и сколько-нибудь несомнѣнной пользы. Къ тому же весьма вѣроятно его вредное дѣйствіе, при продолжительномъ употребленіи, на кишки, и безъ того столь поражающіяся при холерѣ, и почки, пораженіе которыхъ, выступающее въ реактивномъ періодѣ, такъ часто при холерѣ и такъ опасно для организма, потрясенного предыдущимъ теченіемъ этой болѣзни. Вышеобозначенные случаи, въ которыхъ, по моимъ наблюденіямъ, каломель въ началѣ холернаго заболѣванія оказываетъ, какъ слабительное, преносходное дѣйствіе, не принося, прибавлю, ни малѣйшаго вреда, суть единственные, когда и при холерѣ даю каломель.

Прибавлю, что съ тою же цѣлью прямо дѣйствовать противъ холерныхъ заболѣваній, уничтожать въ кишкахъ холерныя бактеріи и производимый при ихъ посредствѣ токсинъ (или токсины) было предложено, кромѣ каломеля, много средствъ, особенно салолъ. Опытъ показалъ, что о нихъ слѣдуетъ сказать тоже, что о каломелѣ, какъ прямомъ противохолерномъ средствѣ и тоже слѣдуетъ опасаться ихъ вреднаго дѣйствія. Гюше особенно рекомендовалъ, по своимъ наблюденіямъ въ послѣднюю холерную эпидемію, трибромфенолгисмутъ; но изъ сообщаемыхъ имъ данныхъ и наблюденій другихъ врачей не видно, чтобъ это средство заслуживало лучшаго отзыва, чѣмъ каломель, салолъ и другія доселѣ предложенныя средства.

Возвращаюсь къ лѣченію поноса. Что сказать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣ опорожненія кишекъ слабительнымъ поносъ продолжается, такъ же какъ и въ тѣхъ, гдѣ не приходится давать слабительнаго, гдѣ врачу встрѣчается больной уже съ опорожненнымъ кишечникомъ, а между тѣмъ поносъ продолжается и, конечно, ослабляетъ больнаго? Въ тѣхъ и другихъ случаяхъ прежде всего слѣдуетъ дать опій и именно простую опійную настойку (tinctura opii simplex s. thebaica), какъ лучшій для такихъ случаевъ опійный препаратъ и притомъ какъ всего легче дозируемый (каплями), не требующій развѣшиванія, какъ opium purum и extr. opii aquosum. Такое назначеніе въ настоящее время, конечно, требуетъ объясненія.

В прежніи холерныя эпидеміи опій какъ при сомнительныхъ, такъ и при инно-холерныхъ заболѣваніяхъ былъ, можно сказать, обще—и наиболѣе употребительнымъ средствомъ. Въ настоящее время дѣло стоитъ иначе: исходя изъ предположенія, что опій, ослабляя перистальтику кишекъ, способствуетъ задержанію и размноженію (вслѣдствіе большаго покоя) въ нихъ холерныхъ бактерій, и, слѣдовательно, большей выработкѣ холернаго токсина и большему порженію (отравленію) организма, многіе требуютъ полнаго изгнанія опія изъ терапіи холерныхъ заболѣваній.

Мои, какъ я уже сказалъ выше, весьма достаточныя наблюденія гласятъ слѣдующее: мнѣ приходилось во время холерныхъ эпидеміи вызѣчивать умѣренныя (какими будетъ сказано ниже) дозами опія, послѣ предварительнаго опорожненія кишекъ или безъ онаго, (если оно оказывалось не нужнымъ) много случаевъ поноса. Какіе это были поносы, конечно, осталось (равно какъ и теперь остается) неизвѣстнымъ: равно невозможно утверждать, что это все были холерныя заболѣванія, какъ и противное. Въ другихъ гораздо болѣе рѣдкихъ случаяхъ, не смотря на такое же лѣченіе (и, конечно, соотвѣтственныя гигіеническія мѣры) поносъ не останавливался и развивалась холерина или настоящая холера.

На основаніи такихъ наблюденій я считаю ошибочнымъ отказаться отъ употребленія средства дѣйствующаго столь успѣшно и быстро въ большей части случаевъ, о которыхъ рѣчь, и совѣтую по опорожненіи кишекъ давать сразу (взрослому больному) 15 или 20 капель t-rae opii, а потомъ, по мѣрѣ надобности, то-есть смотря по дѣйствію опія, по ходу поноса, давать тѣ-же капли по 5 на пріемъ и при томъ всегда въ теплой (кипяченой) водѣ или еще съ прибавкой крѣпкаго вина или хорошей (очищенной) водки. Обыкновенная доза—отъ 30 до 40 и даже до 60 капель въ сутки. Такое лѣченіе и продолжаю сутки, много полторы или двое сутокъ. А затѣмъ?

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ при такомъ лѣченіи поносъ прекращается. Въ другихъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ, поносъ очень уменьшается, но не прекращается, а нисколько не принимая характера холернаго заболѣванія, затягивается, обнаруживаетъ наклонность къ переходу въ хроническое состояніе: въ такихъ случаяхъ, оставляя опій, я даю висмутъ (особенно при пораженіи толстой кишки) или t-ram colo (особенно при пораженіи тонкихъ кишекъ) или то и другое вмѣстѣ *), а также назначаю обыкновенные кислыя висмутовъ, таннинъ или борною кислотой. Наконецъ, въ еще болѣе рѣдкихъ случаяхъ поносъ, несмотря на лѣченіе, усиливается и заболѣваніе принимаетъ холерный характеръ. Тогда, не позже, повторяю, какъ черезъ полторы или двое сутокъ отъ начала опійнаго лѣченія и оставляю опій, оставляю потому, что умѣренныя дозы его не помогаютъ, а огромныя считаю опасными: или такія дозы пересилятъ раздражающее вліяніе холернаго заболѣванія на перистальтику кишекъ, производитъ запоръ, что, конечно, крайне опасно—лучше умѣренный поносъ, чѣмъ всепорожненіе кишекъ; если же этого и не будетъ, то въ виду возможнаго наступленія альгидного періода, то-есть сильнѣйшаго пораженія нервной системы холерными токсинами (при сгущеніи крови и недостатка кислорода), считаю крайне опасными еще ослабляять послѣдніе введеніемъ огромныхъ дозъ опія.

Оставивъ опій, совѣтую назначать внутрь висмутъ (bismuthum subnitricum) въ дозахъ, отъ которыхъ можно ожидать ограниченія чрезмѣрнаго, выводящаго много жидкихъ частей поносъ, то-есть отъ 10 до 15 грановъ на пріемъ, отъ 4 до 6 разъ въ день, совѣтую висмутъ, какъ средство, столь надежное при не холерныхъ поносахъ, въ то же время дезинфицирующее, легко переносящееся кишками и не оказывающее на нервную систему такого вреднаго дѣйствія, какъ огромныя дозы опія. Но ожидающіеся отъ висмута рѣшительное противохолерное дѣйствіе,—дѣйствіе на холерныя бактеріи и ихъ токсины, которое сказывалось бы быстрою и рѣшительною поворотъ холерныхъ заболѣваній къ лучшему,—наблюденія также мало подтвердили, какъ и такое же дѣйствіе, ожидавшееся отъ каломеля, салола и др. Одновременно съ висмутомъ совѣтую назначать въ томъ положеніи холернаго больнаго, о которомъ идетъ рѣчь, предложенные извѣстнымъ нѣмецкимъ клиницистомъ Кантани большіе (отъ 1000 к. п. и болѣе) и горячіе (38—40° Ц.) клистиры изъ воды съ танниномъ (1% раствора таннина).

Главными цѣлями терапіи холеры Кантани ставитъ **) во-первыхъ, уничтоженіе холерныхъ бактерій и ихъ токсина въ кишкахъ и, во-вторыхъ, уменьшеніе сгущенія крови и способствованіе выдѣленію оосаннаго въ кровь холернаго токсина изъ организма. Для достиженія второй цѣли онъ предложилъ введеніе подъ кожу раствора поваренной соли (*гиподермоклизмы*, о которыхъ будетъ рѣчь при лѣченіи альгидного періода), а для достиженія первой—выше названные клистиры (*энтероклизмы*), полагая, что они могутъ проникать за Баугиновку заслонку въ тонкія кишки и тамъ дѣйствовать на холерныя бактеріи и ихъ токсинъ. Мнѣ лично уже не приходилось лѣчить холерныхъ больныхъ съ того времени (1884 г.), какъ Кантани предложилъ свое лѣченіе; но изъ обильной литературы о лѣченіи холеры ясно видно достоинство метода Кантани: восторженные отзывы его и многихъ итальянскихъ врачей далеко не оправдались, процентъ смертности при холерѣ врядъ ли замѣтно измѣнился со времени приложенія его метода; но какъ энтероклизмы, такъ и гиподермоклизмы оказались полезными пособіями при лѣченіи холеры.

Главное полезное дѣйствіе большихъ горячихъ энтероклизмъ состоитъ въ согрѣваніи больнаго, то-есть въ возбуждающемъ вліяніи тепла на ослабѣвшій поносомъ, вообще холерными заболѣваніями, организмъ: поносъ (и рвота) уменьшается, пульсъ становится сильнѣе, самочувствіе лучше. Нѣкоторую пользу приносятъ энтероклизмы также тѣмъ, что дѣйствуютъ на находящіяся въ толстой кишкѣ холерныя бактеріи и ихъ токсинъ и выводятъ ихъ. На всасываніе воды въ толстой кишкѣ и вознагражденіе втянутъ путемъ потерь организма врядъ ли можно много расчитывать, а на дѣйствіе энтероклизмъ за Баугановою заслонкой, въ тонкихъ кишкахъ и вовсе нельзя.

Къ какимъ мѣрамъ, кромѣ вышеназоженныхъ, приходится еще прибѣгать при лѣченіи заболѣваній, о которыхъ идетъ рѣчь? Говоря объ этомъ, и, конечно, имѣю въ виду лишь больныхъ, бывшихъ до заболѣванія въ состояніи удовлетворительнаго здоровья (о лѣченіи больныхъ, одержимыхъ до настоящаго заболѣванія другими недугами, хроническими или острыми, понятно, нельзя заводить рѣчи, въ виду неисчерпаемости предмета). У такихъ больныхъ, кромѣ кишечной терапіи, приходится еще дѣйствовать противъ сердечной и общей слабости. Какъ для этихъ послѣднихъ симптомовъ, такъ и для кишечныхъ главныя мѣры, кромѣ вышеназоженныхъ, состоятъ въ согрѣваніи больнаго (теплая постель, хорошенько укрыть больнаго, особенно животъ, теплое питье—всего лучше крѣпкій чай) и назначеніи алкоголя въ видѣ вина, коньяка, рома, очищенной водки. Горячіи (въ 30° R. и болѣе) ванны, столь полезныя въ альгидномъ періодѣ настоящей холеры, при заболѣваніяхъ, о которыхъ рѣчь, конечно излишни; для согрѣванія больнаго достаточно бываетъ только что названныхъ мѣръ и энтероклизмъ, повторяемыхъ по мѣрѣ надобности.

2. Холерина или періодъ настоящей холеры, предшествующій альгидному.

Тѣ же согрѣвающія средства и энтероклизмы, повторяемыя чаще. Внутрь, насколько позволяетъ рвота, висмутъ и алкогольныя средства. Противъ рвоты нѣтъ вѣрныхъ средствъ; пробуютъ ледъ, вѣнъ и рвотныя рвотчайшихъ, исключительныхъ случаяхъ (напримѣръ, если рвота становится опасною у холерныхъ больныхъ, одержимыхъ болѣзнью сердца или артерій) дѣлаютъ подкожныя впрыскиванія морфія или кокаина, введеніе которыхъ въ органъ, и ослабляющее дѣйствіе на нервную систему такъ желательно въ виду возможности наступленія альгидного періода.

Обыкновенно же рвота, по своему вліянію на организмъ, не требуетъ столь сильныхъ мѣръ; къ тому же и энтероклизмы, какъ сказано, успокоиваютъ нѣсколько рвоту. Также и противъ судорогъ не бываетъ нужды прибѣгать къ сильнымъ средствамъ, напримѣръ, къ впрыскиванію морфія. Самое лучшее средство противъ судорогъ—тотчасъ же приводить сведенную часть въ положеніе обратное тому, въ которое принесла ее судорога; самыя частыя судороги бываютъ въ икрахъ, вытягивая стопу, стоитъ согнуть стопу больнаго, чтобы судорога исчезла; впрочемъ, какъ выше сказано, судорога и сама быстро исчезаютъ.

3. Альгидный періодъ настоящей холеры.

Вышеназванныя согрѣвающія средства, со включеніемъ энтероклизмъ, и горячія ванны, вообще согрѣваніе во всякой пригодной и сподручной формѣ. Затѣмъ, при первыхъ признакахъ начинающагося альгидного періода, для противодѣйствія сгущенія крови, недостатку кислорода и вязкія, а также для возбужденія (тепломъ) сердца и нервной системы—предложенныя Кантани большія отъ 300 до 1000 к. цент. за разъ) горячіи (38—40° Ц.) гиподермоклизмы изъ раствора поваренной соли (7,5 на 1000), вдаваемыя въ мѣстахъ, гдѣ кожа легко приподнимается въ большую складку и подкожный слой легко воспринимаетъ вводимую жидкость (кроме шеи, гдѣ введеніе подъ кожу большаго количества жидкости, какъ извѣстно, опасно.) Обыкновенно послѣ такой гиподермоклизмы пульсъ, до того еле ощутимый, становится лучше и общая слабость больнаго уменьшается. Правда, такое улучшеніе длится недолго, а при повторяніи гиподермоклизмъ бываетъ не такъ значительно, какъ въ первый разъ; но все же польза гиподермоклизмъ неотрицаема и употребленіе ихъ безусловно показано. Вливаніе солянаго раствора въ вены не нашелъ, по результатамъ, рѣшительныхъ преимуществъ предъ гиподермоклизмами, трудно выполнимо (возможно разнѣ въ больницахъ) и притомъ небезопасно. Наконецъ, въ альгидномъ періодѣ крайне необходимо вводить возбуждающія средства какъ внутрь (горячій чай, алкогольныя средства, эѳиръ, камфору), такъ и въ подкожныхъ впрыскиваніяхъ; для послѣднихъ употребляютъ oleum camphoratum fortius (1; 5), по шприцу заразъ и coffeinum natrobenzoicum, отъ одной трети шприца до двухъ третей шприца заразъ. Само собою разумѣется, что какъ гиподермоклизмы, такъ и подкожныя впрыскиванія возбуждающихъ средствъ дѣлаются съ соблюденіемъ необходимыхъ антисептическихъ предосторожностей.

4. Реактивный періодъ (холерный тифоидъ).

Лѣченіе холернаго нефрита—теплыя ванны и обильное питье.

Лѣченіе тифоидныхъ и уремическихъ симптомовъ: конвульсивныя явленія (красное лицо) требуютъ приложенія холода на голову и даже, если больной не очень слабъ, приставленія двухъ пиявокъ къ носовой перегородкѣ; при явленіяхъ возбужденія нервной системы (бредъ и пр.) бромистый натрій, а при признакахъ ея угнетенія—мускусъ, обливаніи головы свѣжею водой.

Если температура тѣла очень повышена (около 40° Ц.), то небольшіе пріемы (отъ 3 до 5 грановъ) фенацетина или антифебрина для нѣкотораго пониженія температуры.*)

Лѣченіе осложненій,—рожи, гнойныхъ (чирьи, абсессы) и гангренныхъ (дизентерія и др.) пораженій,—производятся по правиламъ лѣченія этихъ заболѣваній.

Доселѣ шла рѣчь о настоящей (азіятской или индійской) холерѣ. Скажу нѣсколько словъ о cholera nostras.

Заболѣванія этою болѣзнью по своему образу и теченію сходны съ настоящими холерными, могутъ быть и также интенсивны, но не бываютъ столь экстенсивны какъ послѣдніи; cholera n stras бываетъ лишь какъ эндемическая, но не какъ эпидемическая болѣзнь. Болѣзнетворный микробъ ея неизвѣстенъ; запятовидныхъ бациллонъ настоящей холеры не находятъ въ нервенныхъ больныхъ, пораженныхъ *нашею* (или европейскою) холерой. Въ одной изъ эндемій послѣдней Финклеръ и Пріоръ нашли бактерію сходную (но не тождественную) съ запятовидныхъ бациллонъ азіятской холеры; но въ послѣдующія эпидеміи Финклеръ-приоровскіе бациллы большею частью не были найдены. Прошлымъ лѣтомъ около Парижа (и въ началѣ только тамъ, но нигдѣ болѣе во Франціи) были спальны, но не отличавшіяся наклонностью къ распространенію холерозныя заболѣванія. Принимая ихъ за cholera n stras и замѣчая, что они наблюдались въ мѣстностяхъ сильно пораженныхъ настоящею (азіятскою) холерой въ прежніе годы, нѣкоторые врачи высказывали мысль, что cholera nostras есть вырожденіемъ потомокъ азіятской холеры. Лѣченіе заболѣваній *нашею* холерой ни въ чемъ не отличается отъ лѣченія заболѣваній холерой азіятскою.

---

*) Касательно употребленія опія, висмута, t-rae colo и другихъ средствъ при поносахъ (не холерныхъ) я долженъ сослаться на свои *Клиническія лекціи* (*Выпускъ* 2-й, 2-я лекція и *Выпускъ* 3-й, замѣтка о висмутѣ).

**) Его послѣднее заявленіе въ Berlin, Klinische Wochenschrift, № 37, 1892 г.

*) *Клиническія лекціи*, выпускъ 3-й, замѣтка о лѣченіи лихорадки.

Томская Губернская Типографія. Дозволено цензурою, 7 мая 1893 года. Редакторъ-Издатель В. П. Картамышевъ.